

В отличие от Фэя Юйцзина, после смерти Ши Синжуня пятый брат, Ли Цзючжэн, чаще контактировал с оригинальным «Ши Цзинем».

Ли Цзючжэн был вундеркиндом и рано начал изучать медицину. И хотя ему не было нужды мотаться по всему миру, как Фэю Юйцзину, он был занят ничуть не меньше. Обычно связаться с ним не удавалось по полгода: если он не сидел за учебой, то с головой уходил в исследования. Когда ему звонили, в девяти случаях из десяти его телефон был выключен. Позже он открыл собственную частную клинику. На звонки он отвечать начал, но встретиться с ним всё равно было проблематично, потому что он вечно спасал каких-нибудь пациентов в критическом состоянии. На вопрос, свободен ли он, его ответом было неизменное «Нет».

Из всех пяти братьев он был самым неприметным, да и заботу об оригинальном «Ши Цзине» проявлял весьма необычно. При каждой встрече он дарил «Ши Цзиню» какие-нибудь уникальные гаджеты, сделанные своими руками. А еще он добровольно вызывался помогать ему с домашними заданиями. Казалось бы, это проявление внимания и заботы, вот только вне занятий он никогда не заговаривал с «Ши Цзинем» первым. Свободное время он проводил в одиночестве за чтением, наглухо закрывшись в собственном мире.

Он мало говорил, любил тишину и никогда не принимал активного участия ни в каких делах, предпочитая просто плыть по течению. Он всегда держался особняком, время от времени появляясь словно безмолвный призрак.

Чувства оригинального «Ши Цзиня» к Ли Цзючжэну были довольно сложными. Ему нравились подаренные им хитроумные штуковины и игрушки, и втайне он считал этого брата просто потрясающим. Однако, несмотря на восхищение, он его боялся. Во время многочисленных занятий, когда «Ши Цзинь» бился над какой-нибудь задачей и поворачивался, чтобы попросить у Ли Цзючжэна совета, он обнаруживал, что тот тихо сидит в углу и смотрит на него с очень странным выражением глаз.

В то время оригинальный «Ши Цзинь» не понимал смысла, скрытого за этим взглядом, думая, что брат просто, как обычно, витает в облаках. Лишь после того, как в результате автомобильной аварии он был изуродован и отправлен в его частную клинику, где провел с Ли Цзючжэном много времени, он наконец всё понял — это была жажда убийства, чрезвычайно слабая, но присутствующая постоянно.

Когда «Ши Цзинь» оказался прикован к больничной койке, медленно угасая, Ли Цзючжэн то и дело появлялся у его постели в совершенно случайное время. Он ничего не делал, лишь молча смотрел на него. Периодически он клал руки на аппараты жизнеобеспечения, совершенно не скрывая своего желания их отключить.

Это было самым глубоким, самым мрачным кошмаром оригинального «Ши Цзиня» и причиной, по которой он был твердо убежден в виновности своих пятерых братьев — намерение убить, увиденное собственными глазами, пугало куда сильнее и оказывало гораздо большее влияние, чем мысль о каком-то безликом убийце.

Вззз, вззз, вззз.

Мобильный телефон внезапно завибрировал: пришло текстовое сообщение.

Ши Цзинь перестал прокручивать в голове сюжет романа и проверил телефон. К его удивлению, на оба отправленных им поздравления с Новым годом ответили одновременно, словно отправители сговорились.

Фэй Юйцзин: [Кто это?]

Ли Цзючжэн: [Спасибо.]

Ши Цзинь на мгновение растерялся, а затем вспомнил, что ни Фэй Юйцзин, ни Ли Цзючжэн не знают его нынешнего номера телефона, а он забыл подписаться в конце. Он поспешно отправил сообщения с объяснениями.

Словно камушек, брошенный в океан, сообщение Фэю Юйцзину осталось без ответа, но Ши Цзинь этого и ожидал: у него были сильные подозрения, что Фэй Юйцзин уже заблокировал его номер.

Ли Цзючжэн ответил очень быстро, но его ответ был предельно лаконичным: [Ясно.]

Пока Ши Цзинь смотрел на это слово, в его воображении невольно всплыл образ Ли Цзючжэна, стоящего у постели оригинального «Ши Цзиня» подобно призраку. Передернувшись от ужаса, он закрыл приложение с сообщениями, завернулся в одеяло и начал играть в маджонг на телефоне, чтобы хоть как-то успокоиться.

Он был абсолютно уверен, что часть смертоносных факторов, влияющих на его полосу прогресса, как-то связана с Ли Цзючжэном. Ему нужно было придумать надежный план, как поладить с этим братом.

Утром в канун Нового года тепло одетый Ши Цзинь прибежал в кабинет Лянь Цзюня, уселся напротив него и принялся неотрывно на него смотреть, не произнося ни слова.

Лянь Цзюнь, пытавшийся читать документ, в конце концов не выдержал и посмотрел на него в ответ:

— Если хочешь провести Новый год с братом, можешь отправляться прямо сейчас, Гуа Два отвезет тебя. Только не забывай держать телефон при себе и звонить каждый вечер, чтобы подтвердить, что ты в безопасности. Тебе нужно вернуться до седьмого дня; мы покинем город Б, как только разберемся с делом Чэнь Цина, поэтому все приготовления должны быть завершены заранее.

Ши Цзинь слушал всё это со всё возрастающим недоумением, а затем покачал головой.

— Нет, я не поеду к старшему брату, я останусь с тобой. Я уже всё с ним обсудил.

Лянь Цзюнь смерил его взглядом:

— Правда?

— Ага, когда он приходил в прошлый раз. Разве я не говорил тебе об этом за ужином в тот день? — ответил Ши Цзинь, кладя голову на стол и продолжая глазеть на Лянь Цзюня. Выражение его глаз ясно говорило: «У меня есть планы».

Тон Лянь Цзюня смягчился. Он отложил документ и спросил:

— Кстати... Почему ты так на меня смотришь? У тебя есть какая-то просьба?

— Снег закончился. — Ши Цзинь указал за окно.

Это замечание прозвучало слишком внезапно, и Лянь Цзюнь не смог уследить за ходом мыслей

подростка. Он посмотрел в окно.

— И что?

— И то, что сегодня последний день года, неужели ты не можешь отложить работу? Давай слепим снеговика! Я уже раздобыл шапку и шарф, смотри, и даже морковку для носа! — Ши Цзинь продемонстрировал заранее подготовленные вещи, умоляюще глядя на мужчину.

Лянь Цзюнь взглянул на морковку в его руке — чисто вымытую и с нанесенными на нее специальными отметками — и уголки его губ слегка приподнялись. Однако он быстро вернул лицу серьезное выражение, снова взял документ и холодно произнес:

— Иди один, я занят.

Ши Цзинь положил морковку на стол и впился взглядом в Лянь Цзюня. Его действия были по-детски дерзкими, но его трудно было в этом винить — прошлой ночью Сяо Сы поведала ему печальную историю Лянь Цзюня. Система рассказала, что Лянь Цзюнь с самого детства отличался слабым здоровьем, и его всегда заставляли проводить зиму в теплых краях; он никогда не играл в снегу и не лепил снеговиков. За свою жизнь он упустил множество веселых моментов, о чем немало сожалел. Сяо Сы добавила, что, возможно, если бы Лянь Цзюнь мог чаще радоваться жизни, его душевное состояние улучшилось бы, а отношение к жизни стало бы более позитивным. И это, в свою очередь, благотворно сказалось бы и на его физическом состоянии.

Столкнувшись со столь эмоциональным рассказом Сяо Сы, что оставалось делать Ши Цзиню? Разумеется, он бросился на кухню, вымыл морковку и твердо решил на следующий же день отыскать Лянь Цзюня, чтобы компенсировать ему утраченное детство. Вдобавок он пожертвовал свой шарф и зимнюю шапку — благодаря периоду лысины, этого добра у него накопилось предостаточно.

Лянь Цзюнь смотрел в документ, а Ши Цзинь смотрел на Лянь Цзюня. В кабинете повисла тишина.

Десять минут спустя Ши Цзинь пробормотал:

— Ты вообще не читаешь. Обычно ты переворачиваешь страницу каждые пять минут, но прошло уже десять, а ты всё еще пялишься на одну и ту же.

Руки Лянь Цзюня, державшие папку, напряглись, и он поднял на него взгляд.

Ши Цзинь взял пальто и теплое одеяло, кивнув в сторону заснеженного мира за окном. Его глаза лучились воодушевлением.

Лянь Цзюнь опустил глаза, прикрыв веки, затем отложил документ и выехал из-за стола. Он остановился рядом с Ши Цзинем, не двигаясь и не говоря ни слова.

Глаза Ши Цзиня радостно вспыхнули, и он бросился помогать Лянь Цзюню надеть пальто и укрыться одеялом. Он весело затараторил:

— Не волнуйся, тебе не будет холодно. Ты будешь смотреть из комнаты, а снеговика слеплю я. Если получится уродливо, просто скажешь мне, и я всё исправлю.

— Не играй слишком долго, — предупредил Лянь Цзюнь, поплотнее натягивая на себя одеяло.

— Сегодня ветрено.

— Ничего страшного, я не боюсь холода. — Ши Цзинь пребывал в приподнятом настроении. Убедившись, что мужчина надежно укутан, он выкатил инвалидное кресло, двигаясь чуть быстрее обычного.

И так все обитатели шестого этажа стали свидетелями того, как Ши Цзинь вместе с Лянь Цзюнем с довольным и хитрым видом промчались по коридору, залетели в лифт и спустились вниз. Всё происходящее смахивало на хорошо спланированное похищение.

— Какого черта? — остоленел Гуа Два.

Гуа Один молча отложил в сторону маленький красный конверт, который держал в руке, и встал.

— Пойдемте посмотрим.

Гуа Третий и Гуа Пятый тут же отреагировали, бросив то, что держали, и вскочив на ноги.

Трое мужчин быстро скрылись внизу. Гуа Два не сдвинулся с места. Он покосился на Гуа Девятого, развалившегося на диване, и ткнул его пальцем.

— Ты не пойдешь?

— Я не голоден. — Гуа Девятый моргнул, его веки устало опустились. Голос звучал сонно, словно он разговаривал во сне.

Гуа Два молча посмотрел на него. Почувствовав, что он и впрямь уловил смысл этих туманных слов, он поднялся и заявил:

— А я голоден.

Затем он рванул к лифту, боясь пропустить какие-нибудь важные сцены.

На улице и вправду было ветрено. Деревья во дворе раскачивались, как маятники, а снег с их ветвей сдувало прочь.

Спустившись на первый этаж, Ши Цзинь выбрал комнату отдыха с видом на двор и устроил Лянь Цзюня возле французского окна. Он поставил перед ним гору закусок, навел кружку горячего чая с молоком, а затем с огромным энтузиазмом покинул клуб... И тут же, окоченев от холода, юркнул обратно.

Лянь Цзюнь посмотрел на него, как на глупого ребенка, который знает, что внешний мир таит в себе опасности, но всё равно настаивает на том, чтобы пойти играть на улицу из-за своей ребяческой гордости.

— Забудь, давай вернемся. — Он отставил свой чай с молоком и передал Ши Цзиню стремянку, жестом приказывая убрать ее на место.

— Э-это шанс, который выпадает раз в году, я н-не сдамся! Просто я не привык к такому сильному ветру... — запротестовал Ши Цзинь, крутя шеей из стороны в сторону, чтобы убедиться, что лицо не отморожено. Он натянул маску, глубоко вздохнул и, словно человек, бросающий вызов смертельной опасности, шагнул наружу. Он тут же захлопнул окно и выбежал в заснеженный двор.

Внутренний двор клуба был очень большим, с плоским открытым пространством посередине. Сейчас земля была укрыта толстым слоем снега, напоминающим сливочный торт.

— Значит, вот она такая, зима на севере... — Ши Цзинь стоял посреди снега, едва сдерживая слезы.

Его родной город находился гораздо южнее. И хотя зимой там тоже выпадал снег, его никогда не было так много, а температура не опускалась так низко. В последнее время он почти всё свое время проводил в хорошо отапливаемых помещениях и в результате подсознательно сформировал слегка превратное представление о зиме в городе Б. Теперь же, оказавшись на улице, он чувствовал, что у него даже кишки заledenели.

Сяо Сы не ожидала, что он окажется таким уязвимым перед холодом. Почувствовав легкое раскаяние за то, что подстрекала его ранее, система сказала:

<Давай вернемся, Цзинь-Цзинь. В последние несколько дней температура была намного ниже обычного, ты можешь простудиться.>

— Всё нормально, просто дай мне бафф. Я уже много лет не лепил снеговиков, и, честно говоря, при виде такого густого снега у меня руки чешутся, — успокоил ее Ши Цзинь. Он сделал несколько шагов в сторону, с натянутой улыбкой помахал Лянь Цзюню, затем развернулся и побежал в середину двора.

Бафф Сяо Сы подействовал быстро: немного подвигавшись, Ши Цзинь почувствовал, что ему уже не так холодно. Он снял маску, наконец-то начав получать удовольствие от игры в снегу.

Он планировал слепить обычного снеговика, а не какую-нибудь вычурную снежную скульптуру, поэтому сначала скатал большой снежный ком для туловища и установил его посреди двора. Слепив второй ком поменьше — для головы, он обхватил его руками и побежал обратно в клуб.

Лянь Цзюнь открыл ему французскую дверь, совершенно не заботясь о ворвавшемся внутрь ледяном воздухе. Он прикоснулся к лицу Ши Цзиня и нахмурился.

— Слишком холодно, больше не выходи на улицу.

— Всё в порядке, я уже согрелся. — Ши Цзинь прикрыл дверь, оставив лишь маленькую щелку, затем снял перчатки, достал морковку и две пуговицы. Протянув их Лянь Цзюню, он сказал: — Держи, ты будешь делать нос и глаза. Таким образом, будет считаться, что мы слепили снеговика вместе.

Это застало Лянь Цзюня врасплох. Он неподвижно смотрел на морковку и пуговицы.

— Давай быстрее! Здесь слишком тепло, голова скоро начнет таять, — поторопил Ши Цзинь. Он старательно следил за снежком в своих руках, словно боясь, что тот уже начал растекаться.

Лянь Цзюнь посмотрел на него; его взгляд скользнул по покрасневшимся от мороза щекам и носу. Он увлажнил губы, взял морковку и пуговицы и неуклюже воткнул их в снежный ком. Поскольку он не привык к твердости спрессованного снега, его рука однажды соскользнула, и он случайно проделал большую дыру в голове снеговика.

— Не бери в голову, я через минутку заделаю ее снегом. — Ши Цзинь разгладил голову, поднял пуговицу и вложил ее обратно в руку Лянь Цзюня.

Их пальцы соприкоснулись: одна ладонь была прохладной, другая — ледяной. Лянь Цзюнь рефлекторно сжал руку Ши Цзиня, но поняв, что не сможет ее согреть, медленно разжал пальцы. Он прикрепил пуговицу на нужное место и сказал:

— Я всё.

— Отличная работа, Цзюнь-шао, какое благородное лицо получилось. Подожди немного, я сейчас всё соберу, — польстил Ши Цзинь. Бережно держа голову, он выбежал на улицу, водрузил ее на туловище снеговика, а затем зачерпнул немного снега, чтобы заделать неровности. Сделав снеговика приятно круглым и гладким, он повязал ему шарф и надел шапку.

Закончив, он отступил на шаг, чтобы полюбоваться творением, но решил, что тот всё еще выглядит слишком пустовато, поэтому нашел две раздвоенные ветки и воткнул их в туловище. Теперь у снеговика появились руки.

Круглое туловище, руки-ветки, маленькая шапочка на большой голове, выдающийся нос под глазами-бусинками... Снеговик получился настолько уродливо-милым, что Ши Цзинь не смог удержаться от смеха. Он повернулся к клубу. Заметив, что Лянь Цзюнь смотрит в его сторону, он помахал ему с широкой улыбкой и указал на выпуклый живот снеговика, молчаливо намекая, что Лянь Цзюню стоит есть столько, чтобы стать таким же.

Лянь Цзюнь распахнул французскую дверь и выехал на улицу.

Испугавшись, Ши Цзинь бросился к нему и встал так, чтобы закрыть его от ветра.

— Зачем ты вышел? — встревоженно спросил он.

— Окно запотело, и мне было плохо видно, — ответил Лянь Цзюнь. Мгновение он внимательно разглядывал снеговика, а затем схватил Ши Цзиня за руку и развернулся, управляя инвалидным креслом второй рукой. Он потянул подростка к клубу, приговаривая: — Заходи внутрь, ветер усиливается.

Ши Цзинь кивнул. Он зашел за спинку инвалидного кресла, чтобы помочь катить его, сам того не ведая высвободив свою руку.

Почувствовав, что пальцы опустели, Лянь Цзюнь посмотрел на отражение Ши Цзиня в стеклянных дверях и медленно убрал руку, позволив вкатить себя в комнату отдыха.

Выражение лица Гуа Два, подглядывавшего из коридора, было сложным. Он вздохнул.

— Неудивительно, что Ши Цзинь смог воплотить свои мечты в реальность. День за днем он придумывает такие вот коварные схемы... А лицо Цзюнь-шао, когда он только что смотрел на снеговика... Блядь, я думал, что расплачусь. В конце концов, Цзюнь-шао оказался втянут в криминальный мир в куда более юном возрасте, чем мы.

Ни Гуа Третий, ни Гуа Пятый ничего не сказали. У них были горькие лица — они лучше кого бы то ни было знали, какую жизнь прожил Цзюнь-шао и через что ему пришлось пройти.

— Пошли, — сказал Гуа Один, отворачиваясь. — По крайней мере, в этом году у нас будет хороший Новый год. Я скажу на кухне, чтобы к сегодняшнему праздничному ужину приготовили побольше роскошных блюд.

Слепив снеговика, Лянь Цзюнь и Ши Цзинь просто остались в комнате отдыха рядом со двором. Перед ними стоял стол, полный закусок, и чайник с горячим напитком. Они любовались снеговиком и играли в маджонг.

Ши Цзинь был польщен тем, что Лянь Цзюнь предложил поиграть с ним, чтобы расслабиться. Когда им принесли два планшета, он установил приложение для игры в маджонг, которым обычно пользовался. Свой собственный аккаунт со всеми выигранными виртуальными деньгами он отдал Лянь Цзюню, а себе завел новый, после чего принялся объяснять ему правила.

Лянь Цзюнь быстро освоился. Проиграв пару раз в самом начале, он перехватил инициативу и начал громить своего учителя. Ши Цзинь радостно хлопал себя по бедрам и мял подушку. В нем проснулась его одержимая маджонгом сторона; он был так взбудоражен, что казался лет на десять моложе.

Этим вечером они должны были насладиться душевным новогодним ужином, но человек предполагает, а небеса располагают. Где-то после четырех часов дня позвонил Чэнь Цин и, на правах старого друга, снова пригласил Лянь Цзюня поужинать.

Это приглашение показалось бы странным, будь оно адресовано кому-то другому — в конце концов, этот вечер принято проводить дома, в кругу семьи. Однако, поскольку у Лянь Цзюня не было родственников, желание старого друга разделить с ним трапезу в такое время казалось добрым и заботливым жестом.

Лянь Цзюнь для вида попытался отказаться, сказав, что если Чэнь Цин тоже встречает Новый год в одиночестве, он может прийти в клуб, чтобы отпраздновать вместе.

Чэнь Цин отказался, объяснив, что одолжил дом у друга и лично приготовил роскошный ужин, желая, чтобы Лянь Цзюнь оценил его кулинарные навыки. А еще он весьма туманно намекнул, что хочет рассказать ему нечто о задании, над которым они совместно работали несколько лет назад, о чем он не упомянул ранее.

При таких обстоятельствах Лянь Цзюнь, разумеется, принял приглашение. Он спросил у Чэнь Цина адрес и пообещал приехать вовремя.

К тому времени, как разговор завершился, игра Ши Цзиня была перехвачена системой и шла в автоматическом режиме, поскольку он долгое время не делал ход. Очевидно, он проигрывал.

Его брови сошлись на переносице.

— Адрес, который он тебе дал, находится в жилом районе. Там много людей, сложный рельеф, и оттуда легко как войти, так и выйти. Я советую тебе не ходить на эту встречу. К тому же, вы договорились на шесть часов, а сейчас уже почти пять. Времени на подготовку слишком мало.

Отправив сообщение Гуа Одину, Лянь Цзюнь отложил телефон и попытался его успокоить:

— Не беспокойся об этом, часа вполне достаточно, чтобы наши люди заняли позиции.

— А что, если это ловушка? Чэнь Цин там вообще может не быть. Если ты пойдешь, то можешь не только не спасти его, но и сам оказаться в опасности, — Ши Цзинь не унимался.

— Я попрошу Чэнь Цина спуститься и встретить меня, я не стану безрассудно лезть на рожон. Я также сделал кое-какие приготовления на базе Черной Розы. Если это действительно

ловушка и всё пойдет по худшему сценарию, мы дадим отпор. Не волнуйся, мы не проиграем, — продолжал успокаивать его Лянь Цзюнь, собираясь уходить.

Ши Цзинь схватился за подлокотник инвалидного кресла, не давая ему сдвинуться с места.

— Я иду с тобой, — угрюмо заявил он.

Лянь Цзюнь повернулся к нему. Складка между его бровями разгладилась, а затем он неожиданно протянул руку и погладил Ши Цзиня по голове.

— Ты останешься здесь. Я скоро вернусь, и мы вместе отпразднуем Новый год.

Ши Цзиню всё еще было не по себе. Он покачал головой, настаивая:

— Я иду с тобой, я не отпущу тебя одного, это слишком ненадежно.

— Я буду не один, Гуа Один и остальные поедут со мной, — снова отказал Лянь Цзюнь. Увидев полное беспокойства лицо Ши Цзиня, он даже подался вперед и слегка приобнял его. Похлопав подростка по спине, он сказал: — Будь умницей и оставайся в клубе, хорошо?

Затем он отпустил его. Увидев появившегося в дверях Гуа Одина, он мягко отцепил руку Ши Цзиня от подлокотника и двинулся к двери.

Гуа Один шагнул вперед и взялся за ручки кресла. Заглянув Ши Цзиню в глаза, он кивнул ему, а затем увез Лянь Цзюня.

Комната отдыха, еще недавно наполненная смехом и весельем, теперь казалась опустевшей. Ши Цзинь не желал сдаваться и попытался последовать за Лянь Цзюнем, но невесть откуда взявшийся Гуа Девятый остановил его, заявив, что если он продолжит нарушать приказы, ему придется его запереть.

Ши Цзинь понял, что Гуа Девятый не шутит. С тяжелым сердцем он вернулся на шестой этаж и наблюдал, как все в суете готовятся к отъезду. Наконец, он увидел, как переодевшегося Лянь Цзюня Гуа Два закатил в лифт, и они спустились на подземную парковку.

— Не забудь хорошо поужинать, — даже сказал ему Лянь Цзюнь перед отъездом.

«Будто кусок в горло ползет». Ши Цзинь в одиночестве сидел за большим столом, накрытым к новогоднему ужину, и смотрел на полосу прогресса Лянь Цзюня, которая медленно ползла вверх с того самого момента, как он покинул клуб. У него отвратительно сосало под ложечкой, и с каждой минутой это чувство только усиливалось.

<Успокойся, Цзинь-Цзинь. Дорогой наверняка всё хорошо подготовил,> — успокаивала Сяо Сы.

— Я знаю. — Ши Цзинь вздохнул и продолжил следить за полосой прогресса Лянь Цзюня. Когда она наконец поднялась до отметки 800, он не выдержал. Подскочив с места, он процедил сквозь стиснутые зубы: — Нет, я не могу просто стоять в стороне. Полоса прогресса Лянь Цзюня отличается от моей; я должен быть рядом, когда она приблизится к заполнению.

Сяо Сы спросила: <Что ты собираешься делать, Цзинь-Цзинь?>

— Лянь Цзюнь запретил мне ехать за ним, поэтому следовать за ним я не буду. Они уехали уже какое-то время назад, и если я сейчас брошусь вдогонку, то могу только нарушить его план.

Но... мне не обязательно быть рядом с ним. — Ши Цзинь решительно зашагал в свою комнату и вооружился. Немного поколебавшись, он положил в карман кулон в виде куриной ножки, подаренный Лянь Цзюнем. Затем он вытащил плюшевый костюм животного и запихал его в большой рюкзак. Именно Сяо Сы в свое время уговорила его купить этот костюм — изначально он планировал переодеться в него на Новый год и устроить Лянь Цзюню сюрприз.

Теперь, когда он думал об этом, он действительно изо всех сил старался вернуть Лянь Цзюню хотя бы крошечный кусочек его утраченного детства.

Сяо Сы остолбенела, увидев, как он упаковывает его: <Цзинь, Цзинь-Цзинь? Зачем ты это берешь?>

— Я не буду вмешиваться в план спасения, я просто пойду раздавать конфеты в округе. В конце концов, сегодня канун Нового года, неужели мне нельзя немного повеселиться? — Ши Цзинь придумал благовидный предлог для своего неповиновения и застегнул рюкзак. Затем он отправил всем своим братьям традиционные новогодние поздравления, хоть и немного рановато, и покинул клуб, возмущенно заявив: — В любом случае, я отказываюсь в одиночку есть новогодний ужин! И раз уж я не могу съесть его, я пойду и съем «еду ста семей»!

Сяо Сы: <...>

Примечания переводчика:

«Я не голоден; (...) А я голоден» — Гуа Девятый и Гуа Два говорят о том, что их «накормили собачьим кормом». Собачий корм [狗粮, gǒu liáng] — это китайский интернет-сленг, означающий проявление романтических чувств на публике, которое заставляет одиноких людей (в шутку называемых «одинокими собаками») чувствовать себя обделенными.

Новогодний ужин (Reunion dinner) — традиционный семейный ужин, который проводится в канун китайского Нового года. Считается самым важным совместным приемом пищи в году.

Съесть еду ста семей (Сто трапез) [百席] — народный обычай. Если ребенок долго болел или был слаб, его родители шили большой красный мешок и обходили соседей с просьбой дать им разной еды (хотя это не обязательно должна была быть ровно сотня видов), чтобы накормить его. Считалось, что это сделает ребенка здоровым. В некоторых районах «поедание еды ста семей» — это просто еще один термин для обозначения попрошайничества. Что именно имел в виду Ши Цзинь, решать вам.

<http://bllate.org/book/18125/1746255>